АВСТРАЛИЯ

В РУССКОМ ВОСПРИЯТИИ 1807–2007

впечатления • образы • идеи

издательство «Рудомино»

АВСТРАЛИЯ

В РУССКОМ ВОСПРИЯТИИ 1807–2007

впечатления • образы • идеи

Издательство «Рудомино»
Москва • 2007

Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы
им. М.И. Рудомино

Составитель и автор вступительной статьи
И.Н. Васильева-Южина

Ответственный редактор
Ю.Г. Фридштейн

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

ISBN 5-7380-1254-7

© ВГБИЛ, 2007.
© «Атикс плюс», 2007.
© *Художественное оформление, макет,*
Смирнов Филипп, 2007.

ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА ГОВОР
(Р. 1957 г.)

Историк, культуролог. Закончила Минский институт культуры, работала в Институте востоковедения АН СССР. Занимается русско-австралийскими историко-культурными связями – тема, отразившаяся разными гранями в книгах, написанных Е. Говор: «Библиография Австралии. (1710–1983 гг.)» М., 1985; «Российские моряки и путешественники в Австралии». М., 1993 (совместно с А.Я. Массовым); «Australia in the Russian Mirror. Changing Perceptions (1770–1919). Melbourne, 1997; «Russians Anzacs in Australian History», Sydney, 2005. С 1990 г. живет в Австралии.

«Таинственной невстречи пустынны торжества...», или Русский путь в Австралию

Чем дальше от меня уходят годы жизни в России, чем больше реальная Австралия, в которой я теперь живу, заслоняет ту «русскую Австралию», какой она мне виделась издалека, тем больше мне хочется понять, чем же была для нас Австралия, когда мы жили в России, какое место занимала и занимает она в русской душе, и где пролегал русский путь к ней, путь длиной почти в два века. Ведь сколь ни уникальным нам кажется наш собственный путь к Австралии, рано или поздно мы осознаем, что мы не первые и не последние идем по нему, что мы лишь звено в длинной цепи русского очарования этой страной или разочарования в ней.

Об Австралии в России писали много. Только до революции было около 700 публикаций. Какой же виделась Австралия журналисту из окна петербургской квартиры, моряку с борта корабля, путешественнику на улицах Сиднея или в буше, чернорабочему под палящими лучами австралийского солнца? Что привлекало русских в этой стране, как складывалась здесь судьба русской эмиграции, какой вклад внесли русские в изучение Австралии? Как русские политические деятели – от либералов до большевиков – использовали австралийский опыт в своей политической борьбе? Обо всем многообразии этого пути я и рассказываю в своей книге «Австралия в русском зеркале»[1].

Однако в этом очерке речь пойдет о другом – об уникальном свойстве русских, которое я называю их «невстречей» с Австралией. На протяжении всего девятнадцатого века русская эмиграция в Австралию была очень редким явлением. Возможно, это объясняется тем, что для большинства русских Австралия всегда была воплощением не просто далекой земли, но земли на грани реальности, или даже за этой гранью. Не случайно поэтому, существенную часть истории русской эмиграции в Австралию составляет тема «невстречи» с ней, будь то реальная невозможность добраться до Австралии или, что не менее трагично, осознание, что той Австралии, куда ты стремился, нет; осознание это может прийти и в России, и уже в самой Австралии. Ведь ахматовская «невстреча» («Шиповник цветет») это не просто не состоявшаяся встреча, а особое состояние, приобретающее

---

[1] Govor Elena. Australia in the Russian Mirror. Changing Perceptions. (1770–1919). Melbourne: Univ. Press, 1997. (*Здесь и далее примеч. Е.В. Говор*).

свою собственную, духовную, реальность. Близко к этому и гриновское «Несбывшееся». Герой его «Бегущей по волнам» рассказывает: «я утолял жажду движения <...> прогулками в гавань, где под тенью огромных корм, нависших над набережной, рассматривал волнующие слова, знаки Несбывшегося: «Сидней», – «Лондон», «Амстердам», – «Тулон»... Я был или мог быть в городах этих, но имена гаваней означали для меня другой «Тулон» и вовсе не тот «Сидней», какие существовали действительно; надписи золотых букв хранили неоткрытую истину»[2].

Моя собственная мечта попасть в Австралию, завладевшая мною, когда мне было лет тринадцать и я жила в Минске, не отпускала меня долгие годы именно потому, что я с самого начала знала, что обречена на невстречу с ней.

Это состояние русской невстречи с Австралией, культивируемое русскими на протяжении двух веков, пронзительно передала Новелла Матвеева в стихотворении «Страна Дельфиния»[3]:

Набегают волны синие.
Зелёные? Нет, синие.
Как хамелеонов миллионы,
Цвет меняя на ветру.
Ласково цветёт глициния -
Она нежнее инея...
А где-то есть земля Дельфиния
И город Кенгуру.

Это далеко! Ну что же? -
Я туда уеду тоже.
Ах ты, Боже, ты мой Боже,
Что там будет без меня?
Пальмы без меня засохнут,
Розы без меня заглохнут,
Птицы без меня замолкнут -
Вот что будет без меня.

Да, но без меня в который раз
Отплыло судно «Дикобраз».
Как же я подобную беду
Из памяти сотру?
А вчера пришло, пришло, пришло
Ко мне письмо, письмо, письмо
Со штемпелем моей Дельфинии,
Со штампом Кенгуру.

Белые конверты с почты
Рвутся, как магнолий почки,
Пахнут, как жасмин, но вот что
Пишет мне моя родня:

---

[2] Грин А.С. Бегущая по волнам // Собр. соч. в 6-ти тт. Т.5. М., 1965. С.6.
[3] Цит. по: Новелла Матвеева, Иван Киуру. Мелодии для гитары: Песни и стихи. М.: Аргус, 1988. С. 162–163.

Пальмы без меня не сохнут,
Розы без меня не глохнут,
Птицы без меня не молкнут...
Как же это без меня?

Набегают волны синие.
Зелёные? Нет, синие.
Набегают слёзы горькие...
Смахну, стряхну, сотру.
Ласково цветёт глициния —
Она нежнее инея...
А где-то есть страна Дельфиния
И город Кенгуру.

Это стихотворение-песня звучало с катушечных магнитофонов в 1960-х годах. Австралия здесь даже не названа по имени, она нарочито условна, но это не просто самоцензура, русская Австралия того времени и была именно такой – средоточием далекой, неизвестной, недостижимой земли, которой мы – не нужны, да которая и существует только в наших мечтах.<...>

Михайлов, герой романа Александра Хургина «Страна Австралия», опустившийся рабочий, тоже переживает невстречу с Австралией, хоть и выраженную совсем другим языком: «С тех пор не было у Михайлова никаких посторонних желаний. Он хотел иногда только есть и пить, и больше, и чаще всего хотел спать. А сверх этого совсем ничего не хотел. Ну, или, может быть, почти совсем ничего. Потому что одно пламенное и заветное желание у него все-таки в запасе было. И сидело оно, это желание, где-то глубоко в Михайлове, в его недрах, и вспоминал он о нем, о своем неизъяснимом желании, в редких и крайних случаях, хотя и постоянно. А желание это было такого характера – Михайлов желал как-нибудь очутиться в стране Австралии, чтоб, значит, при помощи этого забыть и стереть из памяти свою жизнь, и свою жену, и вьетнамца, и ту работу, которую он делал много лет из года в год и которую не любил ни одного дня, а потом и боялся ее и ее неоправданных и непоправимых последствий. А почему ему взбрела в голову именно Австралия, так он и сам думал – почему? Просто, наверно, далеко она размещалась, эта страна Австралия, и Михайлов совсем ничего про нее не знал, кроме красивого названия, которое запомнил навсегда из пройденного курса средней школы. А больше про Австралию он ничего не знал и, наверно, потому туда и стремился всей душой и телом подсознательно. А может, и не туда он мечтал и надеялся попасть, а хотел исчезнуть отсюда, чтоб, значит, не быть тут больше никогда»[4]. Роман был опубликован в 1993 году, к тому времени Австралию можно было называть Австралией, но, как видим, сути русского отношения к ней это не меняло, она оставалась страной за пределами досягаемости и самой реальности.

В рассказе Татьяны Толстой «Сомнамбула в тумане» это отношение принимает гротескную форму. У героя рассказа Денисова, московского интеллигента застойных времен из Орехово-Борисово, ощущение бессмысленности окружающей его жизни воплощается в маниакальной идее о том, что Австралии просто не может быть в действительности. И, наконец, «вид безмятежно существующей Австралии вызвал у него ярость. Вот тебе! Он дернул карту и вырвал пятую часть света вместе с Новой Зеландией»[5].

---

[4] Хургин А. Страна Австралия // Знамя. 1993. № 7. С. 75–121.
[5] Толстая Т. Сомнамбула в тумане // Новый мир. 1988. № 7. С. 8–26.

Все эти образы русской Австралии созданы из ничего, на пустом месте, но от этого они не утрачивают своей значимости, и, как это ни парадоксально, Австралия, которую создают они, обладает не меньшим притяжением, чем та, что возникает на основе детальной информации. Это как безответная любовь, или любовь к кому-нибудь из другой эпохи – проза реальной жизни над ней не властна.

Но вернемся к тому времени, когда русская невстреча с Австралией только начинала обретать свою форму. В «Былом и думах» (1852–1868) А. Герцен рассказал историю русского офицера Стремоухова, бежавшего из России в Европу в конце 1840-х годов. Видя, как постоянно он все больше нищает и опускается, русская колония в Лондоне собрала для него деньги и вещи и решила отправить его в Австралию, где недавно было найдено золото. «Ему дали в Мельбурн рекомендацию и поручили капитану его самого и, главное, деньги за проезд». Прощаясь, Стремоухов со слезами на глазах говорил: «Как хотите, господа, а ехать в такую даль не легкая вещь. Вдруг разорваться со всеми привычками, но это надобно...» Но верил ли он сам, что корабль сможет доставить его по ту сторону реального мира, что ему дано преодолеть невстречу? Не удивительно, что спустя несколько месяцев он обнаружился не «на берегах Виктории-ривер», а в лондонском кабаке, откуда угодил в тюрьму за буянство и воровство[6].

Русские евреи, напротив, уже в начале 1850-х годов успешно осваивали золотые прииски Австралии. Русский политический иммигрант в Англии писал об отношении к Австралии русских солдат, захваченных в плен во время Крымской войны: «Я надеюсь, друзья мои, – сказал я им, – что вам не придется больше быть под гнетом против вашей воли. Есть план послать вас в Австралию, если вы захотите; там вы будете свободны как никогда прежде». Надо признать, однако, что этот план совсем не понравился моим слушателям и многие просто не поняли, о чем я говорю. «Что мы будем делать, – сказал мне один, самый развитый среди них, – что мы будем делать в этой странной и далекой стране, мы, непривычные ни к какой мирной работе?»[7] Так и не довелось им удостоиться чести стать первыми русскими политическими беженцами в Австралии.

Но даже физическая встреча русских с Австралией часто оказывалась бессильной преодолеть рок невстречи. Когда русские бежали с военных кораблей, заходивших в австралийские порты на протяжении всего девятнадцатого века, они тоже чаще всего терпели фиаско. Матросы «Крейсера», взбунтовавшиеся во время захода на Ван-Дименову землю (Тасманию) в 1823 году, уже готовы были не возвращаться на корабль, соединив свои силы с местными беглыми ссыльными, но, услышав предостережения Дмитрия Завалишина о том, что их новые друзья их неминуемо ограбят и бросят на произвол судьбы, безропотно обменяли бушрейнджерскую свободу на корабельные унижения[8]. Не вернулся лишь один, Станислав Станкевич, матрос белорусско-польского происхождения. Вскоре после ухода «Крейсера» его поймали и отправили в Сиднейскую тюрьму, откуда он слезно просил губернатора: «Вследствие длительного заключения, и не получая все это время ничего, кроме тюремного пайка, состоящего из одного хлеба, проситель Вашего превосходительства дошел до полного обнищания и отчаяния, и, будучи иностранцем и совершенно не зная английского языка, его положение является вдвойне мучительным. Вследствие этого он решается обратиться к Вашему превосходительству, умоляя об облег-

---

[6] Герцен А.И. Былое и думы. Л., 1947. С. 619.

[7] Conversation with the Russian prisoners at Plymouth // Daily News. 1854. 28 October.

[8] Говор Е. Декабрист Дмитрий Завалишин, австралийский кузнец и русский бунт (К 175-летию первого русского визита на Тасманию) // Австралиада. 1997. № 14. С. 1–4.

чении его участи, ... и его самым сильным желанием было бы получение возможности вернуться в его родную страну»[9].

В 1871 г. трое матросов с «Гайдамака» бежали с корабля под влиянием рассказов агентов с золотых приисков, но, не зная дороги, тут же попали в руки полиции. В 1882 г. буфетчик и матрос с «Африки», ограбив офицера, дезертировали с корабля в Мельбурне и отправились в Сидней на поезде. Однако вместо Сиднея они попали в Сейл, к юго-востоку от Мельбурна, где их и арестовала полиция.

Представления русских об Австралии во второй половине XIX века все больше наполняются реальным содержанием, но все-таки образ экзотической земли, затерянной в просторах Тихого океана, для большинства остается более притягательным, чем образ страны – форпоста западной цивилизации и демократии.

Особенности этого русского видения сказались в плане «Русской колонии в Австралии», как называли его русские газеты. Наш знаменитый соотечественник Н.Н. Миклухо-Маклай в 1886 г. опубликовал в газетах краткое объявление, приглашающее желающих отправиться с ним в Тихий океан и основать на каком-либо не занятом европейцами острове поселение русских, разделяющих его гуманные идеи защиты туземцев от вторжения колонизаторов. К концу 1886 г. количество желающих переселиться превысило две тысячи. Последователи Миклухо-Маклая были демократы-романтики русской выдержки. Их привлекали демократические принципы, на которых должна была основываться колония, и в то же время влекло ее местоположение – где-то на необитаемых островах в Южных морях, около Австралии. Точная география, похоже, их совсем не волновала. В то время как наиболее вероятным местом колонии должен был стать Берег Маклая на северо-востоке Новой Гвинеи, или прибрежные острова, газеты обсуждали проект под заголовками «Русская колонизация в Австралии».

То, что колония предполагалась где-то в Австралии, увеличивало ее популярность. Один из сторонников Миклухо-Маклая, профессор В.И. Модестов, объяснял неожиданный энтузиазм многочисленных русских отправиться на острова Тихого океана тем, что в России «непочатый край» отважных, образованных людей, недовольных «своим положением в отечестве», что есть в ней «немало сил, ищущих себе не рутинного приложения, немало людей, рвущихся к новой жизни», к свободе. Да, уж если начинать новую жизнь, так на самом краю земли, в сказочно свободной изобильной стране. Миклухо-Маклай и сам поддерживал эти настроения, уверяя потенциальных колонистов, что «найдется применение и свободному капиталу, и ремеслу, и простой рабочей силе, была бы лишь охота работать и вести порядочную жизнь»[10]. <...>

Это была истинно русская Утопия – мечта о сказочной заморской стране, куда можно перенестись по мановению руки сказочного же героя, в данном случае Миклухо-Маклая. Но сказок в реальной жизни не бывает, и план Миклухо-Маклая, не поддержанный правительством, развеялся как дым, а его многочисленные сторонники так никогда и не добрались до Южных морей, да и не пытались этого сделать.

Впрочем, один русский, попытавшийся воплотить подобный план в жизнь, все-таки был – Павел Бахметев, которого можно назвать духовным «отцом» Миклухо-Маклая и его последователей. Это реальное лицо, прототип революционера Рахметова из романа Чернышевского «Что делать?» (1863). Чернышевский, кстати, оказал большое влияние на формирование юношеских идеалов Миклухо-Маклая. Состоятельный дворянин, Бахметев не смог осуществить свои революционные идеалы на практике ни в России, ни в Запад-

---

[9] Цит. по: Говор Е. Станислав Станкевич, первый политический невозвращенец в Австралии (продолжение без конца) // Австралиада. 2000. № 123. С. 2-4.

[10] Цит. по: Говор Е. Миклухо-Маклай и русская утопия в Южных морях // Австралиада. 1996. № 8. С. 37–39.

ной Европе. В конце концов он оставил свое состояние Герцену для революционных целей, а сам в 1857 г. отправился то ли на Маркизские острова, то ли в Новую Зеландию, чтобы создать там колонию-коммуну на новых социальных основаниях. Для него, как и для последователей Миклухо-Маклая, конечная география была не столь важна – главное провозгласить колонию подальше от России, лучше всего где-то в Южных морях. К сожалению, отправившись в Океанию, Бахметев исчез, и все попытки выяснить его судьбу оказались безуспешными[11]. <...>

Но даже, когда русские добирались до берегов Австралии, их часто ждало разочарование – они не находили свою, вымечтанную, Австралию. В 1896 г. София Витковская с детской обидой записывает свои первые впечатления: «Вот мы и видели Аделаиду и имеем право сказать, что побывали в Австралии. Что же? Особенного ничего, город как город и люди как люди, только растительность отчасти нова». Роберт Глан из Вильнюса в начале 1910-х годов пережил нечто подобное: «Я шагал по улицам Мельбурна и не видел Австралии». Работая на подхвате в гостинице в Килморе он не уставал спрашивать себя: «Когда же, наконец, я увижу "настоящую Австралию"?... Лишь по вечерам я чувствовал, что нахожусь в Австралии, так как у меня над головой вместо обычных созвездий горел легендарный Южный Крест[12]». «Настоящая Австралия», которую ожидали увидеть они, была экзотической Австралией, будь то тропики севера, или непроходимые заросли Гипсленда, или, в крайнем случае, австралийский буш, но отнюдь не городская цивилизация.

Именно экзотика и удаленность от России влекла к Австралии и русских писателей. Например, для А.П. Чехова Австралия была, прежде всего, олицетворением глухого, отдаленного от жизненных бурь места. Герой его ранней пьесы «Иванов» (1887), провинциальный чиновник Косых, разражается таким монологом: «Черт знает... Неужели даже поговорить не с кем? Живешь, как в Австралии: ни общих интересов, ни солидарности... Каждый живет врозь...». Сам Чехов, после покупки имения Мелихово, писал в 1892 г. издателю А.С. Суворину: «День тянется как вечность. Живешь, как в Австралии, где-то на краю света; ... минутами мне бывает так хорошо, что я суеверно осаживаю себя и вспоминаю о своих кредиторах, которые когда-нибудь выгонят меня из моей благоприобретенной Австралии». Но Австралия была для Чехова, как и для многих русских, и символом новой, необычной земли, романтическим Эльдорадо. По воспоминаниям А.И. Куприна, Чехов советовал молодым писателям искать новые впечатления для своих произведений подальше от обыденности Петербурга и не раз говорил ему: «Не понимаю, отчего вы, – молодой, здоровый и свободный – не поедете, например, в Австралию (Австралия была почему-то его излюбленной частью света) или в Сибирь?»[13]. <...>

В книге воспоминаний «Между двух революций» Андрей Белый рассказывает о таком искателе острых ощущений – московском капиталисте-меценате, издателе «Золотого руна» Николае Павловиче Рябушинском: «... был он в Австралии и отстреливался от дикарей, его едва не убивших...» Свою виллу, где он устраивал роскошные пиры для московской художественной молодежи, Рябушинский назвал, вероятно, под влиянием австралийской экзотики, «Черный лебедь»[14]. <...>

Даже русские крестьяне, рабочие и политэмигранты, которые стали сотнями прибывать в Австралию с Дальнего Востока в 1910–1914 гг., не смогли переломить стереотип

---

[11] Эйдельман Н.Я. П.А. Бахметев (одна из загадок русского революционного движения) // Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. М., 1965. С. 387-398.

[12] Витковская С. Кругом земли: Путевые воспоминания. СПб., 1915. С. 188; Глан Р.И. Наоборот // Российские моряки и путешественники в Австралии. Сост. Е.В. Говор и А.Я. Массов. М.: Наука, 1993. С. 269–270.

[13] Чехов А.П. Собр. соч. в 12 т. Т. 10, М., 1950. С. 42–43; Переписка А.П. Чехова. Т.1, М., 1984. С. 235; А.И. Куприн о литературе. Минск, 1969. С.88.

[14] Белый А. Между двух революций. Кн.3. М., 1990. С. 68-69, 466.

русской невстречи с Австралией. Многие из них были разочарованы, не найдя здесь той свободной Австралии, которую они ожидали увидеть, того рая для рабочих, слава о котором распространилась в России в начале двадцатого века. Более того, живя в Австралии, они продолжали чувствовать себя эмигрантами, а не иммигрантами, в отличие, например, от русских евреев, которые сразу принимали Австралию как свое новое отечество. <...>

И, наконец, пришло время для новой невстречи, которой предстояло длиться долгие десятилетия. О ней говорит И.А. Бунин, который, как и К. Бальмонт, еще в детстве пережил очарование Южных морей. В автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева» он писал: «Картинки в Робинзоне и во «Всемирном путешественнике», а вместе с ними большая пожелтевшая карта земного шара с великими пустотами южных морей и точками полинезийских островов пленили меня уже на всю жизнь... какую настоящую тоску по родине пережил я над этими картинками!» В годы кровопролитных событий революции и гражданской войны, когда старая Россия навсегда уходила в небытие, перед Иваном Буниным, как и перед многими русскими, образ Австралии возник как последняя, отчаянная мечта об убежище. Застрявший в Одессе, оккупированной «красными», он писал в «Окаянных днях»: «16 апреля [1919 года]. Тяжесть на душе несказанная. Толпа, наполняющая теперь улицы, невыносима физически, я устал от этой скотской толпы до изнеможения. Если бы отдохнуть, скрыться куда-нибудь, уехать, например, в Австралию! Но уже давно все пути, все дороги заказаны»[15]...

Суждено ли нам, россиянам, обогатить человеческую сокровищницу представлений об Австралии всего лишь опытом нашей уникальной невстречи с ней? Сумеем ли мы услышать ее зов сквозь шум городской жизни Москвы, Петербурга, Одессы, либо Бондая, Стратфилда, Сент-Килды? Сможем ли просто поверить, что для умеющих видеть она – есть? Ведь, в конце концов, наша Австралия – в нас самих.

Текст печатается по изд.: *Моя Австралия. Сидней, 1998. № 1. С. 7–14.*

АЛЛА САВЕЛЬЕВНА ПЕТРИКОВСКАЯ
(Р. 1930 г.)

Историк литературы, культуры. Ведущий научный сотрудник института Востоковедения РАН. Автор большого количества статей по литературе Австралии и книги «Австралийский роман» (1990), а также проблемам становления и развития культуры страны, ее науки и образования, возникновению литературы коренных жителей стран, мультикультурализму и полиэтническим обществам. Изучает также историю литературы и культуры Новой Зеландии и других стран Океании (является одним из составителей лингвострановедческого словаря «Австралия и Новая Зеландия», 1998). Один из приоритетов научных интересов А.С. Петриковской – русско-австралийские и австралийско-русские литературные и культурные связи («Российское эхо в культуре Австралии», 2002).

---

[15] Бунин И.А. Повести, рассказы, воспоминания. М., 1961. С. 228; Бунин И.А. Окаянные дни. Лондон, 1977. С. 52.